

ОБРАЩЕНИЕ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, этикетность, обращение, адресация, переписка.

В статье рассматриваются особенности оформления и функции обращения в эпистолярном дискурсе ранненовонемецкого периода на примере переписки Г. В. Лейбница 1702 года.

Обращение в переписке Лейбница встречается в начальной части письма (зачине) и в концовке письма, так называемом “*Courtoisie*”. Сравнение немецкоязычных писем Лейбница и писем на других европейских языках позволяет сделать вывод о большей объемности немецких обращений, включающих в себя, как правило, целый ряд титулов, сопровождаемых определенными уважительными эпитетами, употребление которых следует строгим правилам эпистолярного жанра. В силу того что дискурсивными характеристиками эпистолярного дискурса являются ритуальность и адресованность, а основными функциями обращения в письмах — функции адресации и этикетности, в статье делается вывод об организующей роли обращения в эпистолярном дискурсе ранненовонемецкого периода.

L. F. BIRR-TSURKAN

St. Petersburg State University

ADDRESS AS AN ORGANISING ELEMENT IN EPISTOLARY DISCOURSE

Keywords: epistolary discourse, etiquette, address, form of address, correspondence.

This paper analyses the forms and functions of address in epistolary discourse of the Early New German period as exemplified by Gottfried Wilhelm Leibniz's correspondence dating from 1702.

Therein, address would appear in the opening part of a letter as well in its closure known as *Courtoisie*. By comparing Leibniz's German letters with those written in other European languages, the author concludes that German forms of address tend to be more extensive. They would usually include a whole list of titles accompanied by appropriate expressions of respect following strict rules of epistolary narrative. Since the epistolary discourse is ritualised and addressed and the principal functions of address are considered to be those of direction and labelling, it is therefore concluded that address had an organising role to play in the Early New German epistolary discourse.

Под дискурсом, как известно, понимаются различные виды актуализации текста в связи с экстралингвистическими фактора-

ми [7, с. 137]. В широком смысле «термин “дискурс” используется для обозначения разных видов речи и речевых произведений..., связность и осмысление которых воссоздается с учетом всей совокупности не собственно языковых факторов» [7, с. 414]. Согласно М. Фуко, дискурс представляет собой не просто некий набор знаков или значимых элементов текста, а сочетание практик, систематически применяемых для создания текстов как предметов дискурсивного анализа [13, S. 5]. Такое понимание дискурса позволяет говорить о существовании эпистолярного дискурса как совокупности практик, реализуемых при создании эпистолярного жанра. Эпистолярный дискурс объединяет письменные сообщения, посылаемые адресату, находящемуся на некотором расстоянии от адресанта. На протяжении многих веков письмо было единственным способом обмена информацией между коммуникантами, лишенными непосредственного контакта. Правила оформления писем формировались постепенно и не были неизменными на разных этапах существования эпистолярного дискурса. Дискурсивный анализ возможен не только на современном синхронном срезе, но и на различных стадиях развития дискурса. И. Х. Варнке и Ю. Шпитцмюллер указывают на то, что дискурс является историческим феноменом, причем историчность дискурса проявляется на двух уровнях: с одной стороны, участники дискурса сами ее генерируют, следуя традициям, а с другой — исторически обусловленные знания и традиции формируют дискурс [13, S. 42]. В истории немецкого эпистолярного дискурса одним из важных этапов его формирования является ранненововерхненемецкий период, когда появилось множество письмовников (Briefsteller) с примерами разных типов писем и подробным описанием их характерных особенностей. Немецкие письмовники положены в основу многих лингвистических работ, таких как, например, работа И. Клеттке-Менгель, посвященная прусской переписке дворянства XVI века [9], Р. Никиш об особенностях искусства письма XVII–XVIII веков [11] или Р. Веллузиг, обратившегося к теме немецкого письма XVIII века [12].

Материалом настоящей статьи, однако, являются не письмовники с образцами различного рода писем, а реальная переписка исторического лица — саксонского ученого и дипломата, основателя и первого президента Берлинской академии наук Готфрида Вильгельма Лейбница, изданная Берлинской и Гёттингенской академиями наук, а именно 21 том, включающий 447 писем 1702 г. [10]:

автором примерно одной трети (141 письмо) является сам Лейбниц, а остальные 306 адресованы ему. При этом большинство писем написано на французском языке, значительная часть — на латыни и отдельные письма на английском, итальянском и нидерландском языках. Немецкоязычные письма составляют лишь шестую часть (70 писем) изданной переписки, но такое количество позволяет сделать выводы об особенностях немецкого эпистолярного дискурса начала XVIII века, названного Р. Велузингом «веком письма» (“Zeitalter des Briefes“) [12, S.8]. Кстати, с точки зрения И. Клеттке-Менгель, именно вытеснение латинского языка различными европейскими языками способствовало распространению эпистолярного жанра, латинскому языку отводилась лишь роль «идиомы международного взаимопонимания»¹. Р. Никиш отмечает при этом особую роль французского языка в становлении европейского эпистолярного дискурса: лишь письмо, написанное на французском языке, отвечало всем общественным канонам². Это мы видим и в количественном соотношении писем в переписке Г. В. Лейбница, хотя она же свидетельствует и о нарастающем влиянии родного языка в эпистолярном жанре, что также отмечает Р. Никиш³.

Особенностью эпистолярного дискурса является его адресованность и связанная с ней этикетность. С точки зрения Э. Б. Арутюнян, диссертация которой посвящена королевскому эпистолярному наследию XV–XIX веков, «категория этикетности определяет своеобразие макро- и микротекстовой организации письма при оформлении адресных и адресатных формул» [2, с. 5], при этом «адресованность реализуется с помощью специфических средств, ярким представителем которых является начальное обращение к адресату» [там же, с. 10]. На двустороннюю природу обращения и необходимость рассматривать его «как в аспекте адресации, так

¹ Cp.: „Eine der wesentlichen Ursachen für die im 16. Jh. einsetzende Flut, besonders von Handschreiben und Privatbriefen, ist also die Tatsache, daß in den europäischen Ländern die jeweilige Muttersprache als Schriftsprache das Lateinische verdrängt. Dieses bleibt vorwiegend internationales Verständigungsidiom“ [9, S. 3].

² Cp.: „Der übermächtige Einfluß der französischen Gesellschaftskultur auf die deutschen Höfe hatte zur Folge, daß nach 1650 allein der französisch geschriebene Brief als gesellschaftsfähig galt. Das blieb so bis weit ins 18. Jh. hinein“ [11, S. 40].

³ Cp.: „Immerhin regte sich schon recht früh im 17. Jh. Widerstand gegen die fremdsprachigen Einflüsse <...> Tatsächlich verstand sich in der zweiten Hälfte des Barock-Jahrhunderts nur eine Minderheit dazu, ihre amtliche oder gar private Korrespondenz deutsch abzufassen“ [11, S. 41].

и в функциональном ряду этикетных средств» указывает В. Е. Гольдин: «Любой тип обращения не только участвует в организации направленности речи, но и выполняет этикетную функцию» [3, с. 64]. И далее: «Обращение — это функция служебной лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста в целом и отдельных его частей адресату, а также в установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата о характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста» [там же, с. 114–115].

Согласно лингвистическому словарю под редакцией В. Н. Ярцевой, «обращение является носителем двух, обычно совместно реализующихся функций: призывной (апеллятивной) и оценочно-характеризующей (экспрессивной)» [7, с. 341]. В эпистолярном жанре призывная функция обращения отходит на второй план, тем не менее обращение в письме сохраняет функцию выражения адресованности письма, направленности его адресату, а благодаря оценочно-характеризующей функции обращений в эпистолярном жанре находит отражение характер отношений между адресатом и адресантом. В этом контексте справедливо замечание Т. Н. Кабановой относительно сохранения у обращения в письмах функции «коммуникативной настройки на тип межличностных отношений» [5, с. 13]. В. Е. Гольдин также отмечает, что «обращение... обслуживает одну из важнейших сторон речевой деятельности: организацию и регуляцию коммуникативных отношений» [3, с. 114].

Письмо является одним из текстовых прототипов, которые «закрепляются в общественном и индивидуальном сознании через системы определенных признаков и служат моделью в дискурсивном развитии отдельных классов и видов текстов» [4, с. 61]. Е. В. Комлева отмечает, что «при этом прототипизация касается как формы, так и содержания компонентов речевой коммуникации» [6, с. 174]. Эпистолярный дискурс отличается высокой степенью ритуализованности и требует соблюдения определенных правил оформления письма. Обязательными формально-содержательными составляющими любого письма являются зачин, основная часть и концовка. (Если, конечно, не брать во внимание те случаи, когда какая-либо из частей намеренно опускается в случае близких отношений между отправителем и получателем, не говоря уже о таком жанре, как бытовая записка) [1, с. 5]. В зачине могут располагаться место

и дата написания письма, адрес, обращение и наименование адресата, приветствие. Затем следует текст основной части, где раскрывается собственно причина написания данного письма, намерение и интенции говорящего (пишущего). Концовка обычно состоит из прощания и подписи. К XVIII веку архитектура письма более или менее сформирована, трехчастная структура прослеживается в большинстве писем.

Ранненонемецкие письмовники различали внутренние и внешние формы обращения (“innere” und “äußere” Anredeform oder Titulatur). Внутренними считались обращения в начале письма, по ходу текста, а также конечный блок, так называемый “Countertröisie”, т. е. блок обращений в конце письма. Как внешние рассматривались титулы в самом адресе письма [8, S. 102].

В немецкоязычной переписке Г. В. Лейбница непосредственное обращение к адресату в зачине письма содержится лишь в менее трети писем (26 из 70). Кроме того, различия касаются его визуального оформления. Визуальная структура текста является одним из объектов текстоориентированного дискурсивного анализа. И. Х. Варнке и Ю. Шпитцмюллер объясняют ее релевантность для дискурса не только тем, что визуальная структура подчеркивает содержательную структуру текста, но и тем, что визуальные средства служат для индикации коллективного знания [13, S. 31]. Так, в ряде писем Г. В. Лейбница обращение могло быть оформлено либо одной отдельно стоящей строкой, либо несколькими строками. Например, в одну строку:

WohlEdler etc. insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), Hannover, Anfang Mai 1702).

WohlEdler Insonders Hochgeehrter Herr Geheimter Justiz Rath, (Johann Barthold Knoche an Leibniz, Lietzenburg, 20. Mai 1702).

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Hochgebietender Herr, (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, Hannover, 5. September 1702).

В две строки:

HochEdelGebohrner Herr, / HochzuEhrender Herr, und Hochgeneigter Gönner (Daniel Ernst Jablonski an Leibniz, Berlin, 4. April 1702).

Wohl gebohrner Herr Insonders Hochgeehrter Herr Geheimter Rath, / Hochgeneigter Patron (Johann Theodor Jablonski an Leibniz, Berlin, 25. April 1702).

Wohlgebohrner etc. HochzuEhrender Herr Geheimbter Rath / hoher und zuverläßiger großer Gönner, (Nicolaus Förster an Leibniz, Hannover, 1. Mai 1702).

Наиболее редки случаи оформления обращения в три строки:

Chur-Fürst. Durch. zu Braunschweig-Hannover hochansehnlicher Geheimbder Rath, / HochEdler, Vest und Hochgelahrter, / mit kindlicher Liebe und unterthänigem Respect hochgeneigter Herr Vetter, und hoher Patron. (Johanna Regina Leibniz und Johann Caspar Westphal an Leibniz, Leipzig, 18. Mai 1702. Beilage zum Brief).

Оформление обращения в зачине письма в одну или несколько строк диктовалось социальным статусом адресата и взаимоотношениями между автором письма и адресатом. Так, К. Фургер отмечает, что двустрочное обращение использовалось лишь по отношению к коронованным особам, князьям и графам, а также тогда, когда автор письма хотел подчеркнуть свое особое уважение к адресату. В этом случае подобное оформление допускалось и между лицами, занимающими равное социальное положение, а чтобы придать письму более личностный характер, автор мог отказать от употребления слова *Herr*⁴, как, например, в письме Иоганны Регины Лейбниц к Готфриду Вильгельму Лейбницу:

HochEdler Patron, Mit kindl. Reverence Hochzuehrender H. Vetter, (Johanna Regina Leibniz an Leibniz Leipzig, 18. Mai 1702).

Кармен Фургер отмечает характерную для немцев особую страсть к титулам ("die Deutschen bezeichnende Titelsucht") [8, S. 107] и подробно анализирует, какие титулы каким лицам вменялись правилами переписки XVII и начала XVIII веков. Так, например, ссылаясь на издание 1729 г. письмовника И. Г. Нойкирха (Johann George Neukirch, Akademische Anfangs-Gründe. Zur Briefverfassung. Braunschweig. 1729), она отмечает, что только для представителей

⁴ Ср.: „Über eine zweiteilige Form verfügten die Anreden eines Kaisers oder Königs, sowie von Fürsten und Grafen... Für eine Anrede auf zwei Zeilen sollte sich der Briefschreiber... vor allem dann entscheiden, wenn er gegenüber dem Adressaten zu besonderem Respekt verpflichtet war... Einen zweizeiligen Aufbau erhielten ferner auch Anreden in Korrespondenzen, die zwischen gesellschaftlich Gleichgestellten gewechselt wurden. Um das Schreiben in diesem Fall ein wenig persönlicher zu gestalten, fiel dabei das «Herr» in der ersten Zeile weg, während das «Gnädig» durch «Hochgeehrt» ersetzt wurde“ [8, S. 111].

светских сословий называлось пятнадцать различных уважительных эпитетов, например, *Hochwohlgeboren* соответствовал уровню «баронов, а также благородных лиц знатного рода» (“Freiherren und Barone sowie Edelleute adligen Standes”), а *Hoch-Edelgeboren* отводилось «советникам на службе императора, короля или князя, а также бургомистрам крупных имперских городов» (“Ratspersonen in kaiserlichen, königlichen oder auch fürstlichen Diensten sowie Bürgermeistern von großen Reichsstädten”). Доценты университетов, академий и гимназий употребляли обращения *Hoch-Edler*, *Vest und Hochgelarter*, *Hoch-Edler und Hochgelahrter* или просто *Hoch-Edler*, в то время как к «гофмейстерам на службе дворян и знати» (“Hofmeister in adligen und vornehmen Anstellungen”) следовало обращаться как к *Hoch-Wohl-Edler und Hoch-Wohlgelahrter*, а эпитет *Edel* отводился «советникам в небольших городах и коммерсантам, а также людям искусства и представителям таких профессий, как книгопечатники, аптекари, граверы или часовщики» (“Ratspersonen in kleineren Städten und Kaufleute, ebenso aber auch auf Künstler und Angehörige von Berufsgruppen wie den Buchdruckern, Apothekern, Kupferstechern oder Uhrmachern”) [8, S. 109]. Далее К. Фургер отмечает зависимость обращения не только непосредственно от социального статуса адресата, но и от социальной иерархии, существовавшей между адресатом и автором письма. Например, *Hochgeehrter Herr* использовалось в том случае, если адресат и адресант занимали одинаковую общественную позицию, а *Günstiger* или *Gebietener Herr* вменялось использовать лицам рангом ниже адресата. Обращение к лицу мужского пола *Vetter*, *Schwager* или к женщине *Schwesterchen* свидетельствовало о близких, но необязательно родственных отношениях между участниками переписки [там же].

В корреспонденции Г. В. Лейбница среди уважительных эпитетов в обращении представлены как *Hochwolgeböhrrer*, так и *Hoch-edelgeböhrrer* (и то, и другое — по отношению к Лейбницу), а также очень широко используется просто *Wohlgelöhrrer* (этот эпитет фигурирует как в письмах к Лейбницу, так и в обращениях к его адресатам):

Hochwolgeböhrrer *H. Insonders hochgeneigter Gönner* (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 2. Mai 1702).

Hochedlgeböhrrer *Hochgeehrtester Herr!* (Philipp Wilhelm von Hörnigk an Leibniz, Regensburg, 24. Dezember 1702).

Wohlgebohrner Herr, Hochgeneigter Patron (Samuel Benedikt Carpzov an Leibniz, Teplitz, 11. September 1702).

Wohlgebohrner hochg. H. (Leibniz an Philipp Wilhelm von Hörnigk, Berlin, 2. Dezember 1702).

Данные эпитеты в большинстве своем представляют композиты, причем оформление их на письме различно, зачастую все компоненты сложного слова пишутся с заглавной буквы, хотя одно и то же слово может встречаться в переписке в разном написании, например *HochEdelGebohrner* наряду с *HochEdelgeborner* или *Hoch-edlgebohrner*.

Нередко уважительные эпитеты сопровождаются усилительными наречиями *insonders* или *sonders* со значением «особенно», что, вероятно, служит выражению еще большего почтения:

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Peter Ludewig, Hannover, 30. April 1702).

Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, Halberstadt, 24. Juli 1702).

Весьма частотен эпитет *Hochgelahrter*, подчеркивающий ученую деятельность Лейбница:

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Hochgebietender Herr (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, Hannover, 5. September 1702).

HochEdler gestrenger Hochgelahrter Hochverehrtester Herr und Patron (Johann Theodor Gottfried Sonnemann an Leibniz, Hildesheim, 10. August 1702).

Данный эпитет используется и самим Лейбницем в обращении к коллегам:

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Peter Ludewig, Hannover, 30. April 1702).

В обращениях к Лейбницу представлен также его титул тайного советника:

Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz 20, Halberstadt, 24. Juli 1702).

Во многих письмах, адресованных к Лейбницу, адресант называет его своим покровителем или патроном (*Gönner, Patron*),

сопровождая это обращение эпитетами *Hochgeneigter/hochgeneigtester* 'благосклонный/благосклоннейший', *Hochgeehrtester* 'самый уважаемый', *Hochgebietender* 'всемогущий', *zuverlässiger* 'надежный', *groß* 'большой':

Wohlgebohrner etc. HochzuEhrender Herr Geheimbter Rath hoher und zuverlässiger großer Gönner (Nicolaus Förster an Leibniz, Hannover, 1. Mai 1702).

Hochwolgebohrner H. Insonders hochgeneigter Gönner (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 2. Mai 1702).

HochEdelgeborner Herr Hochgeehrtester Herr und hochgeneigtester Patron (Philipp Helfrich Krebs an Leibniz, Wetzlar, 10. Juni 1702).

Sonders Hochgeehrtester Patron (Otto Mencke an Leibniz, Leipzig, 5. Juli 1702).

Wohlgebohrner Herr, Hochgeneigter Patron (Samuel Benedikt Carpov an Leibniz, Teplitz, 11. September 1702).

Wohlgebohrner Herr, Hochgebietender Patron (Joachim Friedrich Feller an Leibniz, Regensburg, 2. November 1702).

В переписке представлены также случаи, когда сам Лейбниц обращается к своему адресату как к покровителю, также сопровождая обращение различными эпитетами (в примерах ниже это *fürnehm* 'благородный' и *großwerthest* 'дражайший'):

Hochwürdiger HochzuEhrender Herr und fürnehmer Gönner (Leibniz an Samuel Benedikt Carpov 10, Berlin, 5. September 1702).

Hochgeehrtester Herr Gesandter Großwerthester Gönner (Leibniz an Christoph Schrader, Berlin, 2. Dezember 1702).

Обращение *Vetter*, кроме уже приведенных выше писем Иоганны Регины Лейбниц, встречается также в адресованном к Лейбницу письме, автором которого был Иоганн Фридрих Фрайесleben:

HochEdler Herr, Hochgeehrtester Herr Vetter und Gevatter, großer Patron (Johann Friedrich Freiesleben an Leibniz, Glauchau, 30. Oktober 1702).

Обращения в зачине писем допускали всякого рода сокращения, например *Hochgeehrter* до *Hochg.*, *Herr* до *H.*:

WohlEdler etc. insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), Hannover, Anfang Mai 1702).

Hochwurdiger, Hochgeehrter H. (Leibniz an Gustave Jean François Lohreman, Hannover, 4. Mai 1702).

Формула *etc.* использовалась как свидетельство имплицитного содержания обязательных с точки зрения этикета эпитетов в обращении, например:

Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, Halberstadt, 24. Juli 1702).

Hochwurdiger etc. (Leibniz an Daniel Ernst Jablonski, Berlin, 31. Oktober 1702).

Во всех приведенных выше примерах бросается в глаза этикетно закрепленное в обращении адресанта к адресату отсутствие имени или фамилии. Ни в одном письме переписки Лейбница в обращении зачина письма не употребляется имя адресата. Об этом правиле оформления писем упоминает в своей работе Кармен Фургер⁵.

Как отмечает К. Фургер, особенностью барочной переписки является использование уважительных эпитетов не только по отношению к представителям мужского пола, но и по отношению к женщинам, на которых, как правило, распространялось употребление тех же эпитетов, которые отводились их супругам или отцам, при том что к незамужним женщинам обращались *Jungfer*, в то время как *Fräulein* оставлялось за незамужними представительницами дворянства. В немецкоязычной переписке Лейбница обращение к женщине в зачине письма встречается единожды — к Иоганне Регине Лейбниц:

WohlEdle, Hochgeehrte Jungfrau Muhme (Leibniz an Johanna Regina Leibniz, Hannover, 3. Mai 1702).

Как видно из этого примера, Г. В. Лейбниц использует в качестве обращения *Jungfrau*, синонимичное упомянутому К. Фургер *Jungfer*, и *Muhme*, хотя его адресатом была его племянница, а не пожи-

⁵ Cp.: „Auch der Einsatz von französischsprachigen Anreden in deutsche Briefen scheint nicht ganz unproblematisch zu sein... Die Meinungen hinsichtlich der Frage, ob — und wenn ja — in welchen Situationen im deutschen Briefverkehr französische Anreden verwendet werden durften, gehen in der Briefsteller-Literatur des 17. und frühen 18. Jahrhunderts sehr auseinander“ [8, S. 110].

лая родственница, кума, крестная или тетя, как трактуется значение этого слова в словарях.

Наконец, необходимо отметить, что в ряде немецкоязычных писем переписки Лейбница фигурируют французские обращения, например:

Monsieur le Conseiller, et treshonnoré Patron (Andreas Morell an Leibniz, Arnstadt, 4. April 1702).

Вопрос об употреблении французских обращений в немецких письмах, по словам К. Фургер, не был оставлен без внимания немецкими письмовниками и решался неоднозначно.

Во всяком случае, что касается переписки Лейбница, французское влияние прослеживается однозначно, причем в немецкоязычном оформлении обращения в большинстве своем очень объемны и тяжеловесны, а французские письма содержат большое число примеров, когда обращение сокращается до одного слова *Monsieur*, *Monseigneur*, *Madame* или *Mademoiselle*. Из 297 писем на французском языке обращение *Monsieur*, оформленное отдельной строкой, встречается в 89 раз, *Madame* — 32 раза, *Monseigneur*, *Mademoiselle* — по одному разу. Кроме того, весьма частотно употребление таких обращений в составе первого предложения письма, без каких-либо дополнительных эпитетов (порядка 30 случаев).

Подобное употребление нераспространенного обращения *Monsieur* представлено и в письме, оформленном на немецком языке:

Monsieur (Fürstin Luise von Hohenzollern an Leibniz, Hechingen, 5. April 1702).

Если продолжить сравнение обращений в зачине писем переписки Лейбница на других языках, то можно отметить наличие уважительных эпитетов, например, в англоязычных письмах: *Dear Sr*, *Most Honored Sir*, *Honour'd Sr*. Однако в сравнении с ними приведенные выше немецкие обращения явно проигрывают в краткости, так что замечание, сделанное К. Фургер о тяжеловесности и объемности немецких обращений в сравнении с французскими или итальянскими⁶, представляется совершенно справедливым.

⁶ Cp.: „Im Vergleich zum deutschen Titel fällt das französische resp. italienische Pendant viel schlanker aus. Während sich die beiden fremdsprachigen Titel auf die wesentlichen Angaben zum sozialen Status sowie zur Funktion des Briefempfängers

Отсутствие обращения в зачине письма нередко как бы компенсируется в первой фразе письма, когда адресат называется в третьем лице, как, например, в переписке с И. Г. Экардом:

*“Ich bin alhier Gott lob glücklich ankommen, **Monsieur Eckard** wird Mein briefgen aus Wolfenbutel empfangen haben“* (Leibniz an Johann Georg Eckhart, Lietzenburg, 13. Juni 1702).

*“**Monsieur Eckard** wird gebethen die beyden briefe bestellen zu laßen den einen nach Paris bey M. Schlem, den andern auff die Post franco Caßel, allwo nicht nothig etwas meinetwegen zu bezahlen“* (Leibniz an Johann Georg Eckhart, Lietzenburg, 20. Juni 1702).

*“**Des Herrn Geheimbden Raths Excellenz** Schreiben vom 13 und 15. Juni habe wohl 5 erhalten...”* (Johann Georg Eckhart an Leibniz, Hannover, 23. Juni 1702).

*“Weilen die zeit Kirschen einzumachen herbey nahet, so wolle **Mons. Eckard** Sorge tragen, daß wenn man die rechten Kirschen dazu am besten haben kan, ...”* (Leibniz an Johann Georg Eckhart, Lietzenburg, 22. Juli 1702).

Ритуализованный характер обращения к адресату в эпистолярном тексте проявляется не только в зачине письма, но также и в его концовке, так называемой “*Courtoisie*”, которая состоит из нескольких частей. Открывалась эта часть, как правило, фразой типа *ich verharre mit allem ersinnlichen Respect*, в котором автор письма заверял адресата в своей верности, преданности и дружбе, затем следовал повтор начального обращения к адресату, например *Ewr. Excellenz*, и, наконец, подпись типа *Unterthäniger und gehorsamer Knecht*⁷, например:

...alstets verharrend Ewrer Excellence Unterthänigst gehorsamster Conrad Iohan Dannenberg (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, Hannover, 5. September 1702).

beschränkten, beinhaltete der deutsche Titel noch zusätzliche Angaben zu Herrschaften oder Gütern“ [8, S. 106].

⁷ Ср.: „Eröffnen konnte der Briefschreiber die «Courtoisie» mit einem Satz wie «ich verharre mit allem ersinnlichen Respect», womit er gegenüber dem Korrespondenzpartner seine Treue, Ergebenheit oder auch Freundschaft versicherte. Als Nächstes folgte die Wiederholung der Anrede des Briefempfängers, z.B. „Ewr. Excellenz“, worauf der Briefverfasser die Submission, z.B. «Unterthäniger und gehorsamer Knecht» folgen ließ. Diese Ehrerbietung bestand in der Regel aus ein bis zwei Adjektiven, welche der Schreiber entsprechend dem sozialen Status des Briefempfängers zu wählen hatte“ [8, S. 115].

В контексте данной статьи наибольший интерес представляет именно та часть *Courtoisie*, которая содержит повтор начального обращения к адресату письма. При этом обращение могло варьироваться по сравнению с зачином письма или полностью с ним совпадать, ср., например:

Sonders Hochgeehrtester Patron ...*In Erwartung einer geneigten Andword, verbleibe ich unter Gottes Schutz Meines Hochgeehrtesten Patrons ergebenster diener L. Otto Menckenius* (Otto Mencke an Leibniz, Leipzig, 5. Juli 1702).

HochEdelgeborner Herr Hochgeehrtester Herr und hochgeneigtester Patron ... *alß der mit treuester begierde unaussetzlich verharre Meines hochgeehrtesten Herrn und hochgeneigteten Patrons Gantz ergebenster gehorsamster Diener P. H. Krebs. Wezlar, 10. junii 1702* (Philipp Helfrich Krebs an Leibniz, Wetzlar, 10. Juni 1702).

WohlEdle, Hochgeehrte Jungfrau Muhme ... *und lebenszeit verbleibe Meiner hochg. Jungfrau Muhme Ehrendienst-ergebenster Vetter G. W. v. Leibniz* (Leibniz an Johanna Regina Leibniz, Hannover, 3. Mai 1702).

Hochwürdiger HochzuEhrender Herr und fürnehmer Gönner ... *Ich verbleibe mit schuldigster Hochachtung und ergebenheit E. Hochwürden_dienstverbundenster Gottfried Wilhelm von Leibniz* (Leibniz an Samuel Benedikt Carpzov, Berlin, 5. September 1702).

Hochwürdiger etc. ... *Erwartend forderlichst dero befehl und nachricht und verbleibe E. Hochw Dienstergebenster GWL* (Leibniz an Daniel Ernst Jablonski, Berlin, 31. Oktober 1702).

Повтор эпитетов, использованных в начале письма, подчеркивает их строго регламентированный характер.

В отдельных случаях обращение, содержащееся в *Courtoisie* совершенно не совпадает с начальным обращением в зачине письма, как, например:

Wohlgebohrner Herr, Hochgeneigter Patron ... *Gott erhalte E. Excell. in allem verlangten wohlergehen zu dem gemeinen besten lange Jahre. Unter welchem Wunsch ich verharre E. Excell. etc. Töplitz, d. 11. Sept. 1702* (Samuel Benedikt Carpzov an Leibniz, Teplitz, 11. September 1702).

Кроме того, зачастую те письма, которые не имеют начального обращения, содержат его в части “*Courtoisie*”, например:

...Ich versichre mich im ubrigen E. Excell. hohen affection und gnadigen fürsprache der ich bin ... Berlin d. 8. Jul. 702 (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 8. Juli 1702).

...Es pardoniren E. Excell. indeßen meine weitlaufftigkeit, denn ich es nicht kürtzter machen können und bleiben gewoogen ... Berlin d. 13. Jul. 702 (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 13. Juli 1702)

... Welches bestens zu incaminiren bitte und in ubrigen iederzeit verbleibe E. Hochw. dienstergebenster G. W. v. Leibniz. (Leibniz an Gustave Jean François Lohreman, Berlin, 20. September 1702).

Тем не менее и в этих случаях выбор формул обращений продиктован требованиями этикета, которым следовал автор письма. Соблюдение ритуального характера эпистолярного дискурса способствовало установлению и поддержанию определенных отношений между участниками.

Таким образом, если в устной речи основная цель обращения — назвать собеседника и привлечь его внимание, то в эпистолярном дискурсе апеллятивная функция обращения уходит на второй план. Главная его задача здесь — назвать адресата с учетом его социального статуса, а также соотношения социального положения адресата и автора письма, и тем самым соблюсти определенные требования этикета, следуя выработанным канонам оформления письма. Обращение в немецкоязычной переписке В. Г. Лейбница фигурирует в начале письма и в его концовке, так называемом “*Courtoisie*”. Начальное обращение в немецкоязычных письмах отличается объемом, занимает иногда не одну, а две-три строки, включает в себя определенный набор уважительных эпитетов, употребление которых подчиняется определенным правилам этикета. В том случае, если начальное обращение отсутствует, то адресация письма может произойти в первой фразе, в которой адресат называется в третьем лице, но с соблюдением тех же правил этикета переписки XVII–XVIII века. Отличительной особенностью обращения является отсутствие упоминания имени или фамилии, авторы ограничиваются лишь набором соответствующих титулов адресата.

Конечное обращение в части “*Courtoisie*” может либо полностью дублировать начальное обращение, либо частично его варьировать (в сторону сокращения), либо компенсировать его отсутствие в заголовке письма.

Основными функциями обращения в письме ранненовонемецкого периода являются функции адресации и этикетности. Называя адресата письма, обращение также отражает социально-личностные отношения между адресатом и автором письма. Особенностью эпистолярного дискурса является его ритуализованность, этикетность и адресованность. Тем самым можно говорить об организующей роли обращения в эпистолярном дискурсе ранненовонемецкого периода.

Литература

1. Акишина, А. А., *Формановская, Н. И.* Этикет русского письма. 5-е изд., испр. и доп. М: Русский язык, 2007. 208 с.
2. Арутюнян, Э. Б. Функционирование речевого этикета в королевском эпистолярном наследии (XV–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 2000. 18 с.
3. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 129 с.
4. Гончарова, Е. А. Научная коммуникация — дискурс — интердискурсивность // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 59–68.
5. Кабанова, Т. Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЧГПУ. Челябинск, 2004. 24 с.
6. Комлева, Е. В. Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования (на материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 2014. 441 с.
7. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
8. *Furger, C.* Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2010. 230 S.
9. *Klettke-Mengel, I.* Fürsten und Fürstenbriefe (Zur Briefkultur im 16. Jh.). Köln: Grote, 1986. 114 S.
10. *Leibniz, G. W.* Sämtliche Schriften und Briefe / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. 21. Bd. Berlin; Göttingen: Akademie Verlag, 2012. 879 S.

11. Nickisch, R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 290 S.
12. Vellusig, R. Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh.. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2000. 393 S.
13. Warnke, I. H., Spitzmüller, J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik — Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen. Berlin; New York: de Gruyter, 2008. 54 S.

References

1. Akishina, A. A., Formanovskaya, N. I. *Etiket russkogo pisma* [Etiquette of Russian letters]. Moscow, Russkii iazyk, 2007. 208 p. (In Russian)
2. Arutiunian, E. B. Funktsionirovanie rechevogo etiketa v korolevskom epistolarnom nasledii (XV–XX vv.). Autoref. diss. kand. filol. nauk [The functioning of the speech etiquette in the Royal epistolary legacy (XV–XIX centuries. Thesis of PhD]. RGPU A. I. Gerzena. St. Petersburg, 2000. 18 p. (In Russian)
3. Gol'din, V. E. *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: theoretical problems]. Saratov, Saratov University Press, 1987. 129 p. (In Russian)
4. Goncharova, E. A. Nauchnaia kommunikatsiia — diskurs — interdiskursivnost' [Scientific communication — discourse — interdiscursivity]. *Text i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sbornik nauchnykh statei*. St. Petersburg, SPbGUEF Publ., 2001, pp. 59–68. (In Russian)
5. Kabanova, T. N. *Epistolarnyi tekst chastnoi perepiski v aspekte teorii rechevogo obshcheniia (na materiale rukopisnykh i opublikovannykh tekstov XX v.)*. Autoref. diss. kand. filol. nauk [Epistolary text of private correspondence in the aspect of the theory of speech communication (On the material of manuscripts and published texts of XX century). Thesis of PhD]. ChGPU. Cheliabinsk, 2004. 24 p. (In Russian)
6. Komleva, E. V. Funktsional'no-semanticheskaiia kategoriia apellativnosti kak faktor tekstoobrazovaniia (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka). Diss. dokt. filol. nauk [Functional-semantic category of appellative as a factor of text formation (on the material of modern German). Dis. Dr. philol. sci.]. RGPU A. I. Gerzena. St. Petersburg, 2014. 441 p.
7. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Iazykoznanie* [Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. Ed. by V. N. Jarzevoi. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. 682 p. (In Russian)
8. Furger, C. *Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2010. 230 p.
9. Klettke-Mengel, I. *Fürsten und Fürstenbriefe. (Zur Briefkultur im 16. Jh.)*. Köln, Grote, 1986. 114 p.
10. Leibniz, G. W. *Sämtliche Schriften und Briefe*. Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften

zu Göttingen. *Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. 21. Bd. Berlin, Göttingen, Akademie Verlag, 2012. 879 p.

11. Nickisch, R. M. G. *Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 290 p.

12. Vellusig, R. *Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh.* Wien, Köln, Weimar, Böhlau, 2000. 393 p.

13. Warnke, I. H., Spitzmüller, J. *Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik — Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen*. Berlin, New York, de Gruyter, 2008. 54 p.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Birr-Tsurkan Lilia Fedorovna

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru